

Воспом. 1925 № 8
(публикации А. Сиверса) 121

благодарности, а там по принадлежности серенада (а прогос, не брэнчили ли ты на гитаре?), а там ревнивый мусульманин, а там — и так далее. Это очень хорошо для производства в поэмы и для поддержания скуки гарнизонного платонизма.

Я живу с книгами и с мечтами. Любуюсь морозными астрами на спящих окошках и редко купаюсь в зимних туманах, т.-е. сижу сиднем как Илья Муромец. Ты должен, любезный брат, оправдать благость провидения, спасшего тебя — став достойным жизни. Книга мира пред тобою и в ней узнаешь ты, что нет иной мудрости, кроме правды и правоты. Да сохранил тебя Бог в боях и мире — для успокоения несчастной матушки нашей.

Брат Александр.

3. Письма А. И. Вегелина из ссылки.

Согласно указа от 8-го ноября 1832 г., Александр Иванович Вегелин, отбывший назначенный ему по высочайше подтвержденному 15-го апреля 1827 г. приговору военного суда по делу о Тайном Обществе Военных Друзей 10-летний срок каторжной работы в Петровском Заводе, был освобожден ранее срока и обращен на поселение в Сибири¹⁾.

25-го января 1833 г. Вегелин покинул Петровский Завод. „Сегодня в исходе девятого проводили мы нашего доброго Аврамова, доброго Вегелина в Шимкова, — писала в тот же день Марья Казимировна Юшневская своему beau-frère'у Семену Петровичу Юшневскому в Подольскую губернию. — Прощание трогательное, и брат твой поплакал вместе с ними. Александр Иванович Вегелин, хотя меньше нас знает, ибо познакомился с братом твоим в заключении, но чаще всего бывал он у нас, оказывал брату твоему привязанность и почтение. Приятнее, говорит он, было мне всего с вами проводить время, и я расстаюсь с вами, как с родными. И вправду с чувством непритворным, с рыданиями, обнимал он брата твоего, и мы простились, растроганные до глубины сердца“²⁾.

¹⁾ См. мою статью — «Тайное Общество Военных Друзей (1825 г.)» в журнале «Дела и Дни», 1920, кн. I, стр. 239—259. Письма жен декабристов к родным Вегелина за время пребывания его в Чите и в Петровском Заводе были напечатаны мною в сборнике «Огни» (история, литература), П. 1916, стр. 119—156; там же помещен и портрет А. И. Вегелина.

²⁾ «Письма декабриста А. П. Юшневского и его жены из Сибири», Киев, 1908, стр. 71. С. П. Юшневский, служивший раньше в канцелярии главнокомандующего 2-й армией и сам бывший членом Южного Общества, знал лично многих южных членов, в том числе Павла Васильевича Аврамова и Ивана Федоровича Шимкова; Вегелина он не знал ранее, но судьба последнего могла его заинтересовать в виду близких отношений, которые были у него со старшим братом Вегелина — Эмилием Ивановичем. Э. И. Вегелин в 1818 г. состоял штабс-ротмистром Волынского уланского полка и 10. V был переведен в л.-гв. конно-егерский полк и назначен затем адъютантом к графу Ланжерону; проживая в Одессе, он состоял членом местной масонской ложи „Эвксинский Понт“; 24. II. 1824 он был переведен майором в Мариупольский гусарский полк; выйдя впоследствии в отставку полковником, он проживал в имении в Подольской губернии, близ Тульчина, † 1848.

Радость, принесенная первым известием о предстоявшей свободе, была скоро омрачена разлукой с товарищами, и для многих, несомненно, одинокая жизнь на поселении, в виду оторванности от обычной среды, неблагоприятных климатических условий и административных ограничений, была тяжелее и труднее пребывания в Петровском Заводе.

Печатаемые ныне девять писем А. И. Вегелина за первый год жизни его на поселении были переданы мне еще в 1916 году Н. К. Эссенем. Из писем этих первое написано по-французски и дается в переводе, остальные написаны по-русски.

1. К. Марье Ивановне Козенс¹⁾.

Большой Нерчинский Завод
10-го февраля 1833.

Наконец, после семилетнего перерыва, получил я сегодня разрешение, дорогая и уважаемая сестра, лично писать вам; буду ли я в состоянии описать радость и удовольствие, которые испытал я, получив дарованную нам милость, так как мы отправляемся к месту нашего назначения на поселение. О скольких вещах хотелось бы вам сказать теперь же, дорогая сестра, но я должен откровенно сознаться, что я не знаю, с чего начать; мои мысли до того спутаны, сердце настолько охвачено радостью, что с трудом удается мне сохранить в голове последовательную мысль и даже рука хотела бы писать эти строки много скорее, чем раньше, сегодня в первый раз после семи лет она держит перо, и не удивляйтесь, дорогая и обожаемая Мари, если вам будет затруднительно разбирать мой почерк; к тому же я должен торопиться, чтобы иметь возможность написать несколько слов любезной Флэне²⁾, тем более что еще сегодня я должен сдать свои письма г. Татарину (начальнику Нерчинских горных заводов), надзору которого я верен³⁾, получив разрешение остаться на Большом Заводе всего только один или два дня, — поэтому вы простите, что это письмо не вполне удовлетворит ваше любопытство.

Мне хочется, однако, начать с описания того момента, когда нам объявили дарованную милость: 25-го декабря, день столь торжественный для всякого христианина, мы получили приказание собраться в большой зале, находящейся в самом здании нашей казармы, и там нам прочли указ его величе-

¹⁾ Марья Ивановна Козенс (р. 2. VII. 1791, † 5. III. 1859), старшая сестра Вегелина от первого брака его отца доктора медицины Иоганна-Кристофа Вегелина † 1816 в Варшаве) и Елизавете-Вильгельмине Мальвёй († 1796 в Варшаве), бывшая замужем за италейстером Александром Рыцаревичем Козенсом (р. 30. IV. 1764 † 3. X. 1841).

²⁾ Жена Э. И. Вегелина — Флэна Алексеевна, рожденная Тутолмина (р. 1810, дочь генерал-майора Алексея Тимофеевича Тутолмина, женатого на Екатерине Николаевне Изыковой); через много лет после смерти мужа она вторично вышла замуж за кашгана л.-гв. конно-гренадерского полка Ипполита Викентьевича Березовского (впоследствии отставной генерал-майор).

³⁾ Горный начальник Нерчинских заводов полковник Степан Петрович Татарин; произведен в генерал-майоры 27. XII. 1840, с назначением на другую должность.

ства, согласно которому 18 из заключенных получили свободу; первый момент, как вы можете хорошо себе представить, был преисполнен одним всеобщим ликованием, но поемному мысли о разлуке с людьми, столь близкими нашему сердцу, в сильной степени его смутила; нам дан был срок до 12 января, чтобы приготовиться к дороге. — И в тот момент, когда первые четверо должны были нас покинуть, каждый из нас почувствовал всю тяжесть горя от разлуки один с братом, другой с другом, в числе первых отправленных был Константин Игельстром. Вы можете себе представить, как должен был я страдать, прощаясь с ним в последний раз! в течение 22 лет мы были с ним почти неразлучными, несчастье, если можно так сказать, удвоило нашу связь, и теперь я не знаю даже, куда он отправлен на поселение¹⁾. 25-го января наступил мой черед покинуть товарищей по несчастью, много, много слез пролил я, расставаясь с ними. — Слава богу, я очень хорошо совершил свое путешествие досюда, и мне остается еще около 300 верст до места, назначенного мне для поселения; оно будет в волости, которая называется Встретенская [sic], в 80 верстах от города Нерчинска, на берегу р. Шилки. Вот куда все, что я могу сообщить вам относительно своего устройства, но как только я приеду на место, я постараюсь удовлетворить ваше любопытство подробным описанием; одно, что я могу еще добавить, это, что я там буду один, совершенно один. — Как только я приехал, вчера около 12 часов дня, сюда на Большой Завод, я имел счастье получить ваше милое письмо от 12-го декабря: это второй раз, дорогая Мари, что я получаю ваши письма в дороге — первое было, когда я прибыл из России в Иркутск. Ах! какую радость и какое утешение оно мне принесло, ах! сколько слез пролил я, читая его! представьте себе состояние, в каком я находился за 7000 верст от родных, считая их почти навсегда потерянными, не имея никакой надежды получить от них какую-либо весточку, — и ты вдруг изменила совершенно это ужасное состояние, как благодарен я тебе за это, дорогая и добрая Мари, как чувствую я себя виноватым перед тобою и, нужно сознаться откровенно, к своему стыду я тебя мало знал до того момента; со времени, как мне пришлось оставить в 1810 году родительский кров, я не написал вам ни строчки, лишь раз две недели провели мы вместе — это было в 1818 году в Воличе, — с этих пор только из писем нашей почтенной матушки имел я время от времени известия о тебе. Мог ли я, при этих усло-

¹⁾ Константин Евстафьевич (Густавович) Игельстром, осужденный также по делу Тайного Общества Военных Друзей, служивший ранее в Литовском пионерном батальоне вместе с Вегелином, приходился двоюродным братом этому последнему — мать Вегелина, Фридерика Августа, рожденная Игельстром, была единокровною сестрою отца Константина Игельстрема. Выбор места поселения для осужденных по Белостокскому делу был предоставлен усмотрению генерал-губернатора А. С. Лавинского; Игельstromу было назначено с. Тасеевское, Канского округа Енисейской губернии (см. «Дела и Дни», кн. I, стр. 258). Об условиях жизни в Тасеевском — см. письмо Игельстрема к А. А. Брюкову (не дошедшее до адресата), напечатанное И. Чагиным в Иркутской газете «Свободный Край», от 27-го декабря 1918, № 96 (цитирую по «Былому», № 15, 1920, стр. 158).

виях, ожидать, что именно вы первая дадите мне утешение, что, несмотря на приключившееся со мной несчастье, я не забыт своими родными; как признателен я вам, добрая сестра; лучшая школа для изучения людей — несчастье, очень грустно проходить через нее, но, клянусь тебе, я не жалею, так как она дала мне лучшую сестру в целом свете! Как жалею я о том времени, когда я вас так мало знал, и я никогда не прощу себе такое легкомыслие... Но довольно пока об этом, сердце мое чересчур расстроено, чтобы продолжать, я чувствую себя настолько виноватым перед вами, что излишне оправдываться, поверь мне, дорогая сестра, что было очень мало моментов, на дню, когда я не чувствовал этих угрызений совести.

Одновременно с вашим я получил также письмо от любезной Флэны, они все совершенно здоровы, ее маленький Саша, по ее словам, премилый ребенок, несмотря на то, что он похож на нее — это ее подлинные слова; для тех, кто ее не знает лично (а это как раз мой случай), это не особенно лестно для ее наружности, но по всем тем доказательствам дружбы, которые она выказывает мне в своих письмах, надо думать, что она действительно из лучших людей на свете. Передайте, дорогой друг, нашей доброй сестре Софи, что я не отвечаю на этот раз на ее письмо от 16-го ноября; надеюсь, что княгиня Волконская была столь добра, что поблагодарила ее от моего имени за ее милое письмо. Простите, дорогая и добрая сестра, что я причинил вам еще лишний расход — в 200 руб., о которых по всей вероятности княгиня уже вам написала, но, как мне нужно было уезжать, и у меня не было в то время денег, я обратился к ней, не рассчитывая в скорости получить денег от вас¹⁾.

Простите, дорогая и добрая сестра, что я должен пока покинуть вас, уже спрашивают мои письма, я даже не смогу сегодня ответить Флэне. Передайте, пожалуйста, дорогая Мари, выражение моего уважения вашему достойному и почтенному супругу и вашей прелестной дочери²⁾ и ее мужу. Я покидаю вас, дорогой и добрый друг, высказывая самые горячие пожелания, чтобы небо сохранило всех вас в добром здравьи и продлило бы возможно дольше вашу жизнь для утешения вашего несчастного брата и друга.

А. Вегелин.

2. К Софье Ивановне Засс³⁾.

Село Стретенское. 25 февраля 1833.

Я надеюсь, милая София, что ты не обвинишь меня и не сердиться, что до сих пор я не писал к тебе; из письма моего к доброй нашей сестре

¹⁾ Ср. письмо княгини М. Н. Волконской к М. И. Козенс от 27-го января 1833 г. — сборник «Огни», стр. 149—150.

²⁾ Софья Александровна Козенс (р. 21. VII. 1810 в Бердичеве, † 4. VI. 1884 в Дерпте), бывшая замужем (с 21. VII. 1828) за полковником конной гвардии (впоследствии генерал-от-кавалерии) Антоном Антоновичем фон-Эссеном (р. 13. III. 1798 в Эстляндии, † 14. IV. 1863 в Дерпте).

³⁾ Сестра Александра Ивановича — Софья, вышедшая замуж за своего двоюродного брата майора Петра-Густава-Отто Засса (р. 30. XII. 1786); впоследствии она была начальницей Полтавского девичьего института.

